

РАЗДЕЛ IX
ГІСТОРЫЯ ЗАМЕЖНАЙ ЛІТАРАТУРЫ.
СУЧАСНЫ ЛІТАРАТУРНЫ ПРАЦЭС.
ТЭОРЫЯ ЛІТАРАТУРЫ. ФАЛЬКЛАРЫСТЫКА

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА Г. ТЕРТЛДАВА
«ПОКОРЕННАЯ БРИТАНИЯ»

Я. А. Алексеенко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Беларусь, Alexeenko_1999@mail.ru*

В ходе исследования обозначен генезис альтернативной истории как самостоятельного литературного явления, раскрыты причины актуализации интереса к ренарративизации истории во второй половине XX в. Выявлены противоречия в употреблении терминологии, связанной с данным жанром и иными разновидностями историографической прозы. Установлено наличие классических составляющих альтернативной истории в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия», особенностью которого становится жанровый синкретизм (использование схем популярных жанров массовой литературы).

Ключевые слова: альтернативная история; точка бифуркации; постмодернизм; жанровый синкретизм; историография.

ЖАНРОВАЯ СВОЕОБРАЗІВАСЦЬ РАМАНА Г. ТЭРТЛДАВА
«ЗАВАЯВАНАЯ БРЫТАНІЯ»

Я. А. Аляксеенка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4,
220030, г. Мінск, Беларусь, Alexeenko_1999@mail.ru*

У выніку даследавання вызначаны генезіс альтэрнатыўнай гісторыі як самастойнай літаратурнай з’явы, раскрытыя прычыны актуалізацыі цікавасці да перагляду гісторыі ў другой палове XX ст. Выяўлены супярэчнасці ва ўжыванні тэрміналогіі, звязанай з дадзеным жанрам і іншымі разнавіднасцямі гістарыяграфічнай прозы. Устаноўлена наяўнасць класічных складнікаў альтэрнатыўнай гісторыі ў рамане Г. Тэртлдава «Заваяваная Брытанія», асаблівасцю якога становіцца жанравы сінкрэтызм (выкарыстанне схем папулярных жанраў масавай літаратуры).

Ключавыя словы: альтэрнатыўная гісторыя; кропка біфуркацыі; постмадэрнізм; жанравы сінкрэтызм; гісторыяграфія.

Во второй половине XX в. под влиянием трагического опыта Второй мировой войны (1939–1945) наблюдается тенденция к пересмотру и ренарративизации истории как совокупности единственно возможных версий известных событий. Распространение мировоззренческих принципов постмодернизма (эпистемологическая неуверенность, глобальный релятивизм, плюрализм истин, тотальная ирония, ускользающая идентичность, игра, смерть субъекта) приводит к упадку классического исторического романа и оживлению историографической прозы, авторы которой подвергают традиционные взгляды на прошлое сомнению, разрушают устоявшиеся каноны и выдвигают собственные теории, тем самым преодолевая ортодоксальную установку на однозначность повествования. Наряду с историографическим метароманом популярность набирает жанр альтернативной истории (англ. *alternate history* / *alternative history* / *allohistory* / *althist* / *AH*). Наибольшее распространение он получил в литературе США рубежа XX–XXI вв., что связывают с тремя главными моментами, ставшими переломными точками в новейшей истории и определившими ее дальнейший ход: с окончанием «холодной войны» между капиталистическими и социалистическими мировыми силами (кульминация противостояния – карибский кризис 1962 г. – неоднократно находит отражение в художественных текстах), с распадом СССР в 1991 г. и с появлением всемирной сети Интернет [1]. В центре литературной рецепции в Северной Америке, прежде всего, находятся Гражданская (1861–1865) и вышеупомянутая мировая войны, как, например, в ставшими классикой романах «Человек в высоком замке» (*The Man in the High Castle*, 1962) Ф. К. Дика (*Philip Kindred Dick*, 1928–1982) и «Да здравствует Трансатлантический туннель! Ура!» (*Tunnel Through the Deeps*, 1972) Г. Гаррисона (*Harry Harrison* / *Henry Maxwell Dempsey*, 1925–2012).

Необходимо отметить, что М. Шнайдер-Майерсон (*Matthew Schneider-Mayerson*), доцент кафедры экологических исследований американского колледжа Колби (*Colby College*), соотносит оформление альтернативной истории как отдельного жанра (несмотря на то, что в художественных произведениях использование повествовательной модели *what if* или *what almost was* можно обнаружить гораздо раньше, в том числе у Тита Ливия) с учреждением в 1995 г. премии «The Sidewise Award for Alternate History», название которой отсылает к рассказу американского писателя-фантаста М. Лейнстера (*Murray Leinster* / *William Fitzgerald Jenkins*, 1896–1975) «Когда время сошло с ума» (*Sidewise In Time*, 1934). При этом жанр и сегодня многими рассматривается как разновидность исторической прозы, фантастики в широком смысле слова (научной, исторической), утопии и антиутопии, литературы фэнтези и т. д. Доктор наук университета Тасмании (*University of Tasmania*) Г. Родвелл (*Grant*

Rodwell) в пособии «Изучение альтернативных историй» (*Alternate Histories in the Classroom*, 2013) разводит данную модель с близким ей виртуальным или контрафактным типом, в качестве основных различий выделяя принадлежность АИ к массовой культуре, отсутствие на академические исследования и превосходство вымысла над фактом [2]. От ухронии, произошедшей от утопии, альтернативная история, на мой взгляд, отличается тем, что действие в последней происходит 1) в конкретном месте и / или 2) в определенном прошлом (либо настоящем), а не в будущем. В связи с этим целесообразно было бы рассматривать ухронию как разновидность альтистории.

Российские исследовательницы Г. А. Махрова и О. Ю. Осьмухина в статье «Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х–2000-х гг.)» (2013) дают следующую характеристику АИ: «Во-первых, это обязательное отличие развития исторических событий, описанных в романе от того, что имело место в реальной истории, то есть демонстрация «развилки» (точки бифуркации) – момента, после которого история изменилась. Во-вторых, это показ “ирреальности” мира, в котором какое-либо историческое событие имело другой исход, своего рода рассказ о последствиях изменения исторического процесса» [3, с. 51]. Так, можно выделить следующие компоненты жанрового кода альтернативной истории: 1) отличие общепринятого взгляда на ход истории от романной интерпретации; 2) рассмотрение последствий перелома; 3) присутствие в системе персонажей реальных исторических личностей; 4) отражение специфики эпохи (политического, социального и культурного статуса); 5) существование временной дистанции между временем написания и изложенными событиями; 6) акцент на роли армии или войска как инструменте субъектов истории, наличие вооруженного конфликта; 7) подчеркнутая значимость одной или нескольких знаменитых личностей; 8) жанровый синкретизм. Предметом данного исследования являются черты альтернативной истории в романе «Покоренная Британия» (*Ruled Britannia*, 2002), удостоенном премии «The Sidewise Awards» в категории больших форм, одного из самых видных современных представителей жанра – американца Г. Тертлдава (*Harry Norman Turtledove*, род. 1949), автора множества историко-фэнтезийных и альтернативно-исторических рассказов и романов, входящих в ряд серий и циклов: «Видесский цикл» (*Videssos*, 1986–2005), «Мировая война» (*World War*, 1990–1996), «Великая война» (*Great War*, 1997–2007) и др.

Действие романа разворачивается в конце 1597 – начале 1598 гг. в Лондоне. С первой же страницы становится ясно, что речь не идет о елизаветинских реалиях, т. к. повествование открывается образом двух *испанских* солдат, идущих по Тауэр-стрит навстречу молодому У. Шекспиру

(*William Shakespeare*, 1564–1616), одному из главных героев. Точкой буффикации Г. Тертлдав выбирает разгром испанской Армады в 1588 г., одно из ключевых событий в истории Великобритании, упрочившее ее положение на мировой арене и обеспечившее определенную степень автономии, которого не случилось, поэтому страна оккупирована иноземными захватчиками: «The Spaniards had held London – held it down for Queen Isabella, daughter of Philip of Spain, and her husband, Albert of Austria – for more than nine years now» («Испанцы держали Лондон в подчинении – удерживали его для королевы Изабеллы, дочери Филиппа Испанского, и ее мужа Альберта Австрийского – уже более девяти лет». – Здесь и далее перевод с англ. мой – Я. А.) [4, р. 3]. Другим хронологическим маркером оказывается смерть сына драматурга Хамнета за год до описываемых событий. Примечательно, что представитель сегодняшней литературы США обращается к британской истории, более того, в качестве ключевой фигуры избирает английского классика. Стоит отметить, что для американцев У. Шекспир является значимой личностью: нация, стремящаяся к максимальному дистанцированию от британского прошлого и колониального опыта, тем не менее, считает барда частью своего культурного наследия.

Завоевание территории «Туманного Альбиона» приводит к смене главенствующей религии, очередному переходу от протестантизма англиканской церкви к католицизму и религиозным преследованиям со стороны инквизиции, которым подвергаются, например, «содомиты» К. Марло (*Christopher Marlowe*, 1564–1593) и Э. Бэкон (*Anthony Bacon*, 1558–1601), брат Ф. Бэкона (*Francis Bacon, 1st Viscount St Alban*, 1561–1626), введению григорианского календаря и комендантского часа. Автор в определенной мере иронизирует над номинативной функцией и поверхностным характером вероисповедания в условиях постоянно меняющейся политической власти в XVII в. Символично, что один из первых и самых запоминающихся образов – это церемония аутодафе, включающая торжественное шествие по лондонским улицам и публичное наказание осужденных еретиков, вынужденных носить санбенито. В целом, создается ощущение пронизанного страхом, грязного (что вполне соответствует исторической действительности) и унылого города, сопротивление жителей которого угнетателям практически угасло, если не считать ежедневных «диверсий» в виде опорожнения ночных горшков из окон на проезжающих по пути в казарму оккупантов.

Если У. Шекспир является воплощением английского мира в романе «Покоренная Британия», то сторону завоевателей олицетворяет его современник Лопе де Вега (*Felix Lope de Vega Carpio*, 1562–1635), который занимает близкую каноническую позицию в испанской драматургии и который, согласно документальным свидетельствам, в 1588 г. действительно

принимает участие в предприятии «Непобедимой армады» и после ее разгрома благополучно возвращается на родину. В альтернативной истории Г. Тертлдава представитель испанского Возрождения («Золотого века») выступает в образе персонажа пикареского романа, авантюриста, любителя одного из самых расхожих английских развлечений до середины XIX в. – травли медведей и солдата с репутацией Дон Жуана, любимца как испанских, так и английских женщин. Герой состоит на службе у капитана Гусмана и должен способствовать поддержанию порядка в занятом городе. Важно отметить, что в контексте сложных отношений Лопе с собственным нерадивым слугой Диего, полной противоположностью Санчо Пансы, поднимается тема рабства, набирающего обороты по мере освоения новых территорий в эпоху Великих географических открытий: «However much he tries to sleep through everything, he is my servant, after all. I may not own him so absolutely as I would a black from Guinea, but I'm entitled to more than he's ever given me» («Как бы он ни старался проспять все, что угодно, в конце концов, он мой слуга. Возможно, я не владею им так безоговорочно, как владел бы чернокожим из Гвинеи, но я имею право на большее, чем когда-либо получал от него») [4, р. 33]. Примечательно, что в попытках припугнуть помощника-бездельника лейтенант угрожает отравить Диего в Ирландию или Шотландию, о жителях которых ходят мрачные слухи как о дикарях и безбожниках.

Точкой пересечения двух миров и талантливых драматургов становится «Глобус» (*The Globe*), что позволяет сопоставить разные национальные дискурсы в постоянно чередующихся частях романа и выявить культурные различия (например, в устройстве театра). Герои, которые разделяют любовь к искусству, оказываются по разные стороны баррикад, когда У. Шекспир получает от испанского командования и одновременно от У. Сесила (*William Cecil, 1st Baron Burghley, 1520 / 1521–1598*), сторонника заточенной в Тауэре королевы Елизаветы (*Elizabeth I, 1533–1603*), несовместимые задания, официальное и секретное: написать пьесу, с одной стороны, прославляющую короля Филиппа II (*Felipe II, 1527–1598*), находящегося на смертном одре, с другой – произведение, способное поднять народные массы и привести к восстанию против власти узурпаторов. Лопе, в свою очередь, обязан проследить за британским коллегой и его трупой с целью выявить малейшие признаки беспорядков и предательства. Так, американский писатель насыщает историографическую прозу элементами детектива, шпионского романа и политического триллера, что свидетельствует о синкретической жанровой природе романа «Покоренная Британия», выступающего в качестве объекта исследования. Автор следует актуальным тенденциям эволюции альтернативной истории, возвращая привычный ход времени с помощью вооруженного конфликта

и принятого именитым героем (не лишенным страха и сомнений) волевого решения.

Таким образом, в романе Г. Тертлдава «Покоренная Британия» можно выделить следующие компоненты классической альтернативной истории: 1) отличие общепринятого взгляда на ход истории от романной интерпретации (столкновение английского и испанского флота в 1588 г. заканчивается поражением британцев); 2) рассмотрение последствий перелома (оккупация Британии испанской короной); 3) присутствие в системе персонажей реальных исторических личностей (королева Елизавета, король Филипп II Испанский, Ф. и Э. Бэконы, К. Марло, члены шекспировской труппы и т. д.); 4) отражение специфики эпохи: политического, социального и культурного статуса (образ Лондона, смена религии и преследование еретиков, устройство театра); 5) существование временной дистанции между временем написания и изложенными событиями; 6) наличие вооруженного конфликта; 7) подчеркнутая значимость одной или нескольких известных фигур (У. Шекспир, Лопе де Вега, У. Сесил); 8) жанровый синкретизм (элементы триллера, шпионского романа и детектива).

Библиографические ссылки

1. *Schneider-Mayerson M.* What Almost Was : The Politics of the Contemporary Alternate History Novel // *American Studies*. 2009. Vol. 50. № 3 / 4. P. 63–83.

2. *Rodwell G.* Whose History? : Engaging History Students through Historical Fiction // *Alternate Histories in the Classroom*. Adelaide : University of Adelaide Press, 2013. P. 99–116.

3. *Осьмухина О. Ю., Махрова Г. А.* Специфика жанра романа альтернативной истории (на материале отечественной прозы 1990-х–2000-х гг.) // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2013. Т. 1. № 4. С. 50–58.

4. *Turtledove H.* *Ruled Britannia*. New York : New American Library, 2002.